

УДК 944.041.1

Ю. Н. Игнатенко

И.-Р. ЛЕ ШАПЕЛЬЕ И ВАРЕННСКИЙ КРИЗИС: ЛЕТО – ОСЕНЬ 1791 ГОДА

Рассматривается влияние Вареннского кризиса на расстановку сил в парламенте, противодействие Ле Шапелье и других членов либерально-конституционалистского большинства радикалам Учредительного собрания и улице с целью укрепления позиций короля и конституционной монархии.

This article analyses the influence of the Varennes crisis on the balance of political forces in the National Constituent Assembly and Le Chapelier's and other constitutionalists' opposition to the radicals in the Assembly and in the streets in order to strengthen the position of the king and constitutional monarchy.

Ключевые слова: Учредительное собрание, конституционалисты, демократическое движение, Ле Шапелье, «крайне левые», «левые», «левый центр», Вареннский кризис, конституционная монархия.

Key words: National Constituent Assembly, constitutionalists, democracy movement, Le Chapelier, far left, left, centre-left, Varennes crisis, constitutional monarchy.

К весне 1791 г. Учредительное собрание осуществило всеобъемлющие преобразования, охватившие множество сфер французского государства и общества. Они касались вопросов соотношения властей, утверждения политических, религиозных, экономических свобод. Были произведены административные, судебные, налоговые, аграрные реформы либерально-демократического характера, во многом соответствовавшие интересам широких народных слоев.

Общество в целом широко поддерживало реформы Собрания, и либералам-конституционалистам оставалось лишь увенчать их Конституцией, установив общественное спокойствие. Но введение 12 июля 1790 г. гражданского устройства духовенства разрушило общественный консенсус. Возросло открытое противостояние со стороны неприсягнувших священников и эмигрантов. Проявилось массовое недовольство крестьян на западе и юге (оно было латентным, но распространялось с большой силой). Так возникло противодействие революционной власти справа, со стороны тех, кто ориентировался на короля и традиционную церковь.

С весны 1791 г. набирало обороты и движение слева, зародившееся еще в 1790 г. По оценке французского исследователя А. Олара, оно «было до такой степени всеобщее, самопроизвольно и демократично само по себе, что встревожило Учредительное собрание» [4, с. 110]. В основе этого движения стояли плебейские массы городов — санкюлоты, которые под воздействием М. Робеспьера и Ж. П. Марата отрицательно восприняли цензовые ограничения, разделение граждан на «активных» и «пассивных».

Большое значение в усилении левого движения и его размежевании с либералами сыграло бегство короля и королевской семьи в Варенн в ночь с 20 на 21 июня 1791 г. Оно стало «одним из редких событий революции, изволновавших всю нацию, сделавшихся известными всем, пережитыми всеми» [Там же, с. 150]. С огромной силой возрастала активность клубов, братских обществ, радикальной прессы как в Париже, так и в провинциях. Либеральные реформаторы понимали, что нужно выстраивать барьер против «анархии», против действий активистов, клубистов. Вследствие раскола Якобинского клуба образовалась «партия» фельянов, в состав которой вошли многие деятели либерального большинства.

Проявилась резкая конфронтация между либералами и демократами. Конституционалисты выступали за неприкосновенность личности короля и сохранение за ним трона — в этом виделся залог общественной стабильности, а также средство завершить революцию, закрепив все ее достижения в Конституции. Демократы вели пропаганду за отстранение Людовика XVI от власти. В отличие от либералов они выступали за прямую демократию, обеспечивающую влияние низов на развитие политической жизни государства. Теперь либералов и демократов стало разделять отношение не только к цензовой избирательной системе, но и к монархии. Расстрел народных масс в июле 1791 г. на Марсовом поле «вырыл непреодолимый ров между окончательно расколотившимися на либералов и демократов революционерами» [1, с. 18].

Узнав об исчезновении короля и его семьи, либеральная часть Собрания высказала 21 июня 1791 г. предположение о похищении, организованном окружением в лице братьев короля и ненавистной французам королевы — австриячки Марии-Антуанетты. В качестве заговорщиков видели генерала Буйе, приходившегося кузеном командующему парижской Национальной гвардией Лафайету и непосредственно участвовавшего в организации похищения, а также иностранных монархов, прежде всего австрийского императора Леопольда. Поэтому народу было объявлено, что король и его семья увезены насильственно, вопреки их воле и намерениям.

Депутат Учредительного собрания Исаак-Рене Ле Шапелье заявил в Собрании 21 июня 1791 г.: «Отъезд короля не вызывает никаких расстройств, и всем гражданам рекомендуется не совершать никакого насилия, так как спасение империи должно происходить сейчас при поддержании общественного порядка» [12, t. 27, p. 360]. В его речи нет ни малейшего намека на обвинение короля, так как еще оставались непроясненными обстоятельства и мотивы отъезда королевской семьи. Депутат, призывавший нацию к спокойствию и стремившийся спасти

существующий политический строй, всю ответственность за произошедшее возлагал на похитивших короля врагов. А. Барнав, исповедовавший левые взгляды, вслед за Ле Шапелье ясно и смело заявил с трибуны Собрания: «В данный момент настоящая опасность вызвана именно теми чрезвычайными обстоятельствами, при которых волнения возбуждаются людьми, далеко не питающими патриотических чувств и далеко не стремящимися к общественному благу» [12, t. 27, p. 362]. Разделявший взгляды «левого центра» депутат Ж.Г. Туре высказался в поддержку Барнава, отметив, что «действия преступников идут вразрез с интересами французского народа и монархии» [Ibid., p. 452]. Близкий к Туре депутат Деменье утверждал, что «король и королевская семья были похищены» [Ibid., p. 364]. Депутат Ш. Ламет, разделявший взгляды «левого триумvirата», стремился найти виновных в исчезновении короля и установить авторов «данного преступления» [Ibid.]. Таким образом, либерально-конституционалистское большинство полагало, что было организовано именно *похищение* короля. Они считали, что король не способен на противодействие революции, и осудили заговорщиков, осуществивших дерзкое преступление.

Крайне левые отвергали интерпретацию конституционалистами бегства короля как похищения и, полагая, что король *бежал*, называли это «великим преступлением» [14, t. 11, p. 114]. Депутат П.Л. Редерер 21 июня заявил, что король «подлю покинул свой пост» [Ibid.] и следует «найти зачинщиков побега» [12, t. 27, p. 373]. Его поддержал Марат в газете «Друг народа»: «Король совершил огромную ошибку, просто невероятную ошибку: но кто ее спланировал, приготовил и устроил?» [10, p. 5]. Робеспьер был возмущен тем, что Учредительное собрание «притворно называет бегство короля похищением» [5, с. 156] и «с вероломной ложью» [14, t. 10, p. 292] осмеливается утверждать это в декретах. Он заявил, что бросает «обвинение всему Национальному собранию» [5, с. 155], возможно, стремясь скомпрометировать его либеральное большинство. Робеспьер, Ребель и другие демократы были едины во мнении, что король бежал в результате заговора и предал родину и революцию. «Друг народа» не упустил случая дискредитировать Людовика XVI: «Это король-клятвопреступник, не знающий чести, стыда, угрызений совести. Это монарх, недостойный трона, которого не удержал даже страх прослыть бесчестным... Людовик XVI своим преступлением безвозвратно потерял доверие народа. Он подлый негодяй, заслуживающий общественного негодования» [14, t. 10, p. 285; 9, p. 8].

Реформаторы-либералы продолжали призывать народ всецело положиться на Собрание, которое примет все меры, чтобы не пострадало общественное благо. Они просили соблюдать общественный порядок и спокойствие. Выступая 21 июня 1791 г., Ле Шапелье подчеркивал: «Национальное собрание доводит до сведения граждан Парижа и всех жителей государства, что та твердость, которую оно до сих пор выражало при всех затруднениях, сопровождавших его работу, будет также руководить теми его постановлениями, которые касаются похищения короля и королевской семьи». Он отмечал, что Национальное собрание «без

всякого промедления в своих последующих заседаниях примет все меры к тому, чтобы общественное благо не потерпело ущерба» [12, t. 27, p. 362].

Поначалу либералам казалось правильным воздержаться от заявлений о побеге Людовика XVI. Но когда король со своей семьей был задержан в пограничном городке Варенне и доставлен в Париж, ситуация прояснилась. Возникли вопросы о его судьбе, судьбе монархии и, шире, о судьбе революции — должна ли она продолжаться или следует ее завершить.

Ле Шапелье понял, что король совершил побег, и занял конкретную и жесткую позицию по данному вопросу. Уже 21 июня он заявил: «Когда наследственный глава исполнительной власти отсутствует на том месте, где он должен находиться, когда он покидает родину в тот момент, когда он ей нужен, безусловно, нужно принимать серьезные меры» [Ibid., p. 358]. Твердость позиции Ле Шапелье объяснялась тем, что депутат понимал: не стоит медлить, поскольку отсутствие Людовика XVI на троне идет вразрез с установленными конституционными принципами. Он выдвинул предложение «назначить комитет для подготовки проекта декрета» [Ibid.]. Позднее Туре выступил с предложением об отказе от прежних отношений между королем и Национальным собранием, обосновав его тем, что действия Людовика XVI противоречат Конституции и достойны осуждения. Деменье подчеркнул, что во имя спасения государства в случае, если его глава по какой-то причине покинет свой пост, «национальные представители имеют право заступить на его место» [14, t. 10, p. 414]. С ним согласился и Тронше. Таким образом, конституционалисты, находясь в сложной ситуации, приняли очень серьезное решение о временной приостановке полномочий короля. Ассамблея утвердила проект комитета, смысл которого заключался в переходе к ней исполнительной власти. Это были «смелые и уверенные действия Собрания, взявшего в свои руки всю власть» [3, с. 329].

В тот же день, 21 июня, Барнав потребовал принятия резолюции, содержавшей приказ гражданам вооружиться и быть наготове на случай необходимости поддержания порядка. Ле Шапелье согласился с ним: «Национальное собрание приказывает, чтобы граждане были готовы к выступлению для поддержания общественного порядка и защиты отечества согласно указаниям, которые будут представлены в декретах Национального собрания» [12, t. 27, p. 362]. Этот призыв был мерой для защиты отечества от опасности, которая могла последовать со стороны заговорщиков, похитивших короля. Ле Шапелье и либерально-конституционалистское большинство боролись прежде всего с врагами — сторонниками Старого порядка, стремясь не допустить контрреволюцию. Они всеми силами старались противостоять «заговорщикам, надевающимся все ниспровергнуть» [14, t. 10, p. 417–418].

Деятели либерально-конституционалистского большинства оказались в непростой ситуации. Они осознавали, что король предал революцию. Перед ними остро встали вопросы о судьбе монархии и революции. Либералы не без оснований опасались гражданской войны и

нового витка революции, который мог последовать либо за изменением конституционно-монархической формы правления, либо за передачей трона другому лицу [7, с. 44]. Вопрос заключался в том, кто мог прийти на смену Людовику XVI. Они понимали, что ни герцог Орлеанский, в котором видели интригана, ни братья короля, реакционеры в эмиграции, не были пригодны для этого, Марию-Антуанетту также нельзя было назвать подходящей кандидатурой. О замещении Людовика XVI не могло быть и речи, и поэтому либералы вновь обратили взор в его сторону. Он являлся легитимным королем, к которому французы привыкли и намерения которого были вполне предсказуемы. Тогда Ле Шапелье, Барнав, Дюпор и их коллеги решили действовать сплоченно, «чтобы восстановить ниспровергнутую монархию» [Там же, с. 43]. Во имя сохранения либеральных достижений революции они всеми своими силами постарались «затушевать» побег Людовика XVI. Французский историк Мона Озуф отмечала, что «Вареннский эпизод иллюстрирует трогательную попытку деятелей Революции ослабить, смягчить и, если возможно, отрицать это происшествие» [15, р. 183]. Их целью было сохранить монархию и ее институты, поскольку в личности короля и удержании за ним трона либерально-конституционалистское большинство видело спасение политической системы.

Либеральное крыло Собрания приняло единодушное решение бороться с идеей республики. Борьбу желали вести теми способами, которые согласовывались с Конституцией. «Господа, — отмечал Ле Шапелье 1 июля 1791 г., — именно нам своей деятельностью нужно поддерживать принципы Конституции, следовать им во всех наших декретах» [12, t. 27, р. 614]. Задача либералов заключалась в сохранении конституционной монархии и власти короля при одновременном противостоянии реставрации Старого порядка. «Все знают мое отношение к республике, я не прекращал бороться за неприкосновенность Конституции... я очень отрицательно отношусь к установлению республиканской формы правления, так как считаю ее очень плохой», — заявил Ле Шапелье в начале июля 1791 г. [Ibid.]. Из найденного позже документа «Разговора (беседы) господина Т. (Th.), господина Ш. (Ch.) и господина Д. (Desm.), трех членов Конституционного комитета» (то есть Туре, Ле Шапелье и Деменье) следовало, что они ставили задачи борьбы с республикой и сохранения Людовика на троне. Желание оказать поддержку Конституции проявлялось и у Барнава. Депутат, занимавший левые позиции, 15 июля 1791 г. выступил за монархическую форму правления и высказался о ее преимуществе перед республикой.

Таким образом, либерально настроенное большинство, разделяя общие идеи, осознавало, что сохранение Людовика на троне гарантировало сохранность всех достижений революции и могло стать способом ее завершения. Без всякого сомнения, побег короля следовало оправдать. Либералы спасали не короля, а Конституцию и закрепленные в ней права и свободы человека и гражданина, король был одним из ее «звеньев». Особым декретом 15 июля 1791 г. Собрание сняло с Людовика XVI всякую ответственность за бегство. Тогда же либералы провозгласили принцип представительного и монархического правительства,

при котором конституционными представителями нации они мыслили депутатов Собрания, а наследственным — короля. Их целью было реализовать этот проект на практике.

Радикальная пресса очень негативно высказывалась о реформаторах-либералах. Ле Шапелье, Туре, Деменье называли злодеями, предателями и изменниками, «продавшими деспоту права народа» [8, р. 4]. Маратовский «Друг народа» советовал: «Посадите их живьем на кол и три дня держите на бойнице Сената на всеобщем обозрении» [Ibid.]. Члены крайне левой фракции Собрания — Робеспьер, Ребель, Редерер — в очередной раз оспорили действия либеральных политиков. Королевская власть, особенно наследственная, по их мнению, была несовместима со свободой.

26

Революционный опыт внес некоторые коррективы во взгляды либералов. Противостоя усиливавшемуся радикальному движению, ставившему под удар конституционный порядок, конституционалисты впервые заговорили о сближении исполнительной и законодательной ветвей власти. Либералы, ранее отвергавшие мысль о том, что министры монарха могут быть услышанными в Собрании, подняли вопрос о взаимодействии с ними. Данное предложение возникло в момент кризиса, вызванного бегством короля. Представитель левых Ш. Ламет еще 21 июня заявил: «Я считаю, что было бы полезно, если бы Национальное собрание в момент кризиса разрешило министрам вернуться в него, когда они посчитают, что это нужно для общественного блага» [12, t. 27, р. 363]. Он полагал, что в сложившейся ситуации помощь министров не будет лишней. Но Ле Шапелье высказался против: «Национальное собрание согласно Конституции постановило, что в междуцарствие королевскому совету поручено вносить прокламации и осуществлять другие административные действия. Если некоторые новые министры, назначенные королем, вводя всех в заблуждение, хотят взять на себя управление, мы будем их преследовать в уголовном порядке» [Ibid., р. 372].

Его реакция была вполне объяснима. Революция привела к разграничению властей. Население Франции испытывало недоверие по отношению к министрам. Среди либералов отсутствовало единое мнение по вопросу участия министров в политической жизни страны. Однако 15 августа 1791 г. Ле Шапелье пересмотрел свои взгляды в отношении министров: «Мы всегда настаивали на том, что министры не могли обладать никакой инициативой... а теперь я другого мнения» [Ibid., t. 29, р. 446]. Очевидно, что депутат изменил свою позицию под влиянием революционных событий. Ле Шапелье и его коллеги осознали, что министры смогут помочь им во многих важных государственных вопросах, касавшихся законотворчества, избирательного процесса, поскольку для этого у них есть накопленный ранее опыт. Либеральное большинство поддержало Ле Шапелье. В этот же день Барнав отметил, что «необходимо разрешить министрам войти в Ассамблею» [Ibid., t. 28, р. 448]. С ним был солидарен и Туре, считавший, что «министры монарха смогут войти в Законодательное собрание, занять в нем место и быть выслушанными по всем вопросам, по которым пожелают высказаться и дать разъяснения» [Ibid., t. 29, р. 445]. Следовательно, конституционали-

сты теперь полагали, что правильно организованное правительство должно наделить министров реальными полномочиями и позволить им взаимодействовать с законодательным корпусом. Либералы перестали подрывать их позиции и начали искать механизмы сосуществования, придя к пониманию необходимости сближения властей. Депутаты осознали, что «крайняя» позиция неконструктивна и категоричное разграничение ветвей власти может быть пагубным.

Таким образом, принципиально новая позиция видных деятелей реформаторского большинства в отношении министров была направлена на то, чтобы взаимодействовать в интересах государства и противостоять демократам, добивавшимся непосредственного участия народа в политической жизни страны, что угрожало хаосом и гражданской войной.

Предложения либерально-конституционалистского большинства вызвали критику Робеспьера, в результате чего во время обсуждений данного вопроса в Собрании 15 августа 1791 г. он демонстративно выступил с просьбой: «Прошу разрешения покинуть трибуну и перейти в другую часть зала» [12, t. 29, p. 445].

Ле Шапелье еще 12 августа 1791 г. заявил: «Я хочу, чтобы революция закончилась, Конституция полностью оформлена...» [Ibid., p. 387]. Это объясняется убежденностью депутата в том, что реформы для блага общества проведены. Франция в его глазах стала страной закона и свободы. Продолжение революции могло повлечь за собой гибель людей и утрату революционных достижений. Такого же мнения придерживался Барнав, в июле 1791 г. отмечавший, что «революцию уже сейчас пора закончить, в настоящий момент она должна достигнуть своего предела» [14, t. 11, p. 66]. Он полагал, что «если она совершена для блага нации, то должна остановиться в тот момент, когда нация свободна и все французы равны», и не мыслил ее продолжения среди дальнейших беспорядков, ибо она может стать «привилегией некоторых лиц» [Ibid., p. 67]. Таким образом, видные деятели либерального крыла Учредительного собрания не желали продолжения революции, поскольку преобразования для блага нации, охватившие множество сфер, уже были совершены. Оставалось стабилизировать новый порядок на основе конституционной монархии.

Но с ходом революции усилились противоречия между либеральной властью и демократическим движением. Деятели клубов добивались непосредственного участия масс в политической жизни. Их оппоненты отрицательно воспринимали давление на законодателей. Выступая против обществ, способных «ввергнуть Францию в состояние анархии» [2, с. 29], еще в мае 1791 г. законодатели вотировали декрет, запрещающий коллективные петиции. Они хотели сдержать атаки на власть и распространявшееся антицензовое движение. Закон вызвал большое количество протестов и углубил расхождения между либералами и демократами. Бегство короля усугубило ситуацию, однако либералы продолжали создавать прочную политическую систему, способную противостоять нападкам оппозиции. Они вносили поправки в

избирательное законодательство, наиболее уязвимой частью которого являлся существовавший высокий ценз для парламентариев, равный марке серебра. Его сильно оспаривала общественность, поскольку закон затруднял вхождение во властные структуры народных лидеров.

Республиканско-демократическая пресса не упускала случая лишней раз «напасть» на реформаторов и возбуждала антиправительственные настроения в массах. Лусталлю энергично восставал против декрета о марке серебра: «О Людовик XVI! О восстановитель французской свободы! Взгляни на эти три четверти нации, исключенные из Законодательного корпуса декретом о марке серебра... спаси французов от рабства или гражданской войны...» (цит. по: [4, с. 96]).

Лидеры демократического движения, стремясь попасть в парламент, утверждали, что не должно существовать такого поста в государстве, к которому бы не имели доступа все граждане. Марка серебра сделалась удобной мишенью для нападок крайне левых в Собрании и радикалов вне его [2, с. 23]. Отстаивание цензовой системы стало преградой для быстрого завершения революции, поэтому реформаторы признали ее нецелесообразность. В защиту новых правил выступили видные члены либерально-конституционалистского большинства — Ле Шапелье, Туре, Барнав. Ле Шапелье 12 августа 1791 г. заявил: «Я имею право сказать, что он (ценз в марку серебра. — Ю.И.) противоречит свободе и правам граждан», вслед за этим добавив: «Я присоединяюсь ко всем, кто настаивал на отмене этого декрета» [14, t. 29, p. 386, 387]. Здесь прослеживается сдержанная реакция Ле Шапелье по отношению к требованиям демократов, объясняющаяся тем, что он и его коллеги видели несправедливость и жесткость обсуждаемого закона и потому поддержали требования оппонентов о его отмене.

Но означало ли это, что конституционалисты собирались отменить цензовую систему? Напротив, они намеревались сделать ее более действенной, выдвигая высокие материальные требования к выборщикам. Уже 12 августа 1791 г. Ле Шапелье отметил: «Было бы неправильно иметь таких избирателей, которые по большей части не имеют какой-либо собственности и достаточных средств...» [Ibid., p. 387]. Следовательно, предоставление полного и равного избирательного права всем социальным категориям граждан не казалось тогда верным решением. Ле Шапелье и другие члены либерально-конституционалистского большинства полагали, что людей, находящихся в убогих материальных условиях и не имеющих собственности, можно подкупить. Кроме того, социальные низы рассматривались как легковверная и изменчивая в своих настроениях сила.

Конституционалисты были едины в этом мнении: 11 августа 1791 г. Туре отметил, что «не существует представительной конституции без гарантии собственности» (цит. по: [6, с. 154]). С ним согласился Тронше, полагавший, что Конституция могла бы сузить круг выборщиков.

Либералы осознавали, что решающую роль в избирательном процессе играют выборщики, и ориентировались на «надежную социальную категорию» [2, с. 30]. Только эта материально независимая часть общества способна, по убеждению либералов, со знанием дела отстаи-

вать общие интересы, тогда как не имеющему собственности отстаивать нечего и, вследствие этого, он не привязан к своей стране и не заинтересован в общественных делах. Можно утверждать, что Ле Шапелье вместе с либерально-конституционалистским большинством намеревались сдерживать демократию, предоставив право голоса лишь «активным» гражданам, обладавшим собственностью и, следовательно, ответственностью.

Крайне левые в Собрании были обескуражены. Бюзо и Петион высказывались в пользу прежнего положения вещей, настаивая на всеобщем избирательном праве. Их поддержал Робеспьер, назвав декреты «преступлением против нации» (цит. по: [4, с. 129]). Он критиковал принцип, в соответствии с которым избирательные права основывались на материальном благосостоянии. По его мнению, человек, не обладавший собственностью, был не меньше заинтересован в свободе и участии в общественных делах. Опираясь в Собрании на санкюлотских активистов, Робеспьер и крайне левые намеревались сбросить просвещенную либеральную власть и добиваться дальнейшей демократизации.

Двадцать второго августа 1791 г. Туре призвал к борьбе с правонарушениями с использованием прессы. К нему присоединился Барнав, отмечавший, что публикация мыслей разрешена только в том случае, если они не противоречат закону. Поддержал соратников и Ле Шапелье, заявив, что «запрещается унижать конституционные власти, так как именно они поддерживают общественный порядок. Если вы допускаете оскорбления в адрес властей, вы разрушаете правительство» [12, t. 29, p. 636]. Он подчеркивал, что «любому допускается обсуждать, критиковать то положение вещей, которое установлено существующей властью, и обращаться к общественному мнению для реформы...» [Ibid]. Позиция Ле Шапелье, понимавшего необходимость свободы прессы, не была столь жесткой, он противился только антиконституционным методам выражения мысли, которые шли вразрез с законом, но допускал предложения по изменению и улучшению разных способов управления [Ibid.].

Несмотря на сопротивление Петиона и Робеспьера, закон о прессе был принят 23 августа 1791 г. Теперь преступления прессы считались любые попытки унижить существующие власти или призвать к неповиновению им, клевета на граждан и должностных лиц. Это была очередная попытка либералов противостоять «анархии». Но демократическую прессу не пугали никакие виды ответственности. Уже через 3 дня, 26 августа 1791 г., газета «Друг народа» писала: «Робеспьер, Петион, Фермон громко возмутились неясной формулировкой “унижение конституционных властей”, способствовавших тысячам проявлений самоуправства, противоречащего свободе... Декрет, поддержанный нечестным Барнавом, был направлен против “Друга народа”» [11, p. 3]. Марат продолжал язвить в адрес либералов: «Таким образом, смелого журналиста, решившегося известить соотечественников о неподчинении деспотическим законам, приносящим вред обществу, разоблачить подле-

цов, готовящих заговор против отечества, противостоят их гнету, злоупотреблениям и спасти народ, объявят клеветником и накажут как преступника» [11, р. 4]. Марат прямо призывал к насилию в отношении авторов закона. Газета «Революции Франции и Брабанта» Камилла Демулена не упустила случая выразить недоверие конституционалистам: «Понаблюдайте за д'Андре и Шапелье, мы не верим в их чистые намерения... не верьте слепо всем декретам наших законодателей...» [16, р. 336].

Натиск демократов не прекращался. Парижские клубисты по-прежнему боролись за непосредственное участие в политической жизни Франции. Воспользовавшись сложной ситуацией в стране, вызванной бегством короля, они хотели упрочить свою политическую роль и пробиться в высшие эшелоны власти. Существование множества демократических клубов, именовавшихся «народными обществами», грозило обрушить всю политическую систему, которую старались отстоять конституционалисты. Сильно обеспокоенный этим, Ле Шапелье рассуждал о праве клубов вмешиваться в общественную жизнь: «Эти организации революционной эпохи представляют собой течения общественного мнения, выступающие за свободу и против различного рода злоупотреблений» [12, t. 31, р. 616]. Развитие демократических форм общения ведет к распространению политической сферы за пределы представительных органов власти. Ле Шапелье искренне желал, чтобы уважались права граждан и полномочия, которые делегировал представителям народ, чтобы «не превышать одни и никогда не покушаться на другие» [Ibid., р. 617]. Депутат отстаивал представительный режим: «Не существует властей кроме тех, которые образованы по воле народа, выраженной через его представителей» [Ibid.]. Любые действия могут быть расценены как законные лишь в том случае, когда они исходят от народных уполномоченных. Не случайно Ле Шапелье и либералы-конституционалисты настаивали на таком порядке, который опирался бы на нормы Декларации прав человека и гражданина.

Позиция Ле Шапелье и других либералов-конституционалистов была вполне объяснимой. Они боролись с крайностями демократии, поскольку хорошо понимали, что прямая власть народа неизбежно приведет к анархии и насилию. Либерально-конституционалистское большинство требовало, чтобы, согласно принятой Конституции, между индивидом и Собранием не было никаких промежуточных образований. Двадцать девятого сентября 1791 г. Ле Шапелье вновь заявил, что «важно защищать Конституцию от нападков корпораций» [Ibid.], угрожающих легитимности и независимости Национального собрания.

Ле Шапелье не забывал о закрепленном в упомянутой Декларации праве граждан выражать собственное мнение и собираться, причем собрания могут иметь лишь неформальный характер. «Журналы с дебатами, публикации постановлений, трибуны, установленные в залах для сбора слушателей, — все это противоречит Конституции», — указал Ле Шапелье 29 сентября 1791 г. [Ibid., р. 618], потому что при наличии этих

признаков собрания получали уже статус политических организаций. А согласно проекту закона 29—30 сентября 1791 г. (декрет утвержден 9 октября), ни общества, ни клубы, ни ассоциации граждан не имели права вести политическую деятельность и носить коллективное имя [13, р. XCIV]. Поэтому, по убеждению Ле Шапелье, эти общества, которые, давя на власть, могли мешать законотворческому процессу, «не должны существовать» [12, t. 31, р. 617]. Либералы допускали лишь существование частных, неполитических собраний. Вероятно, было только одно возможное решение — позволить таким обществам обсуждать политические вопросы, но без принятия каких-либо решений. В противном случае могла образоваться параллельная с парламентом власть.

Крайне левые Робеспьер и Петийон считали, что «Конституция предоставляет право французам собираться... свободно обмениваться мнениями...» [Ibid., р. 620]. Робеспьер оспаривал декрет от 29 сентября, запрещавший любую политическую деятельность. Он полагал, что задача обществ — охранять права нации [17, р. 990]. Бриссо утверждал, что они должны содействовать исполнению законов, представляя действия политиков на «суд общественного мнения», и, самое главное, будучи органами народной воли, сохранить за собой право выступать против неугодных законов и находить способы для их отмены [15, р. 502]. Вопреки устремлениям либералов, демократы считали существование клубов законным и выступали за участие народных масс в политической жизни страны.

В сентябре 1791 г. деятельность Собрания подходила к концу, поскольку его основная цель — разработка Конституции — была выполнена. Конституцию представили на подпись реабилитированному королю. Ле Шапелье вместе с другими либералами-конституционалистами до Вареннского кризиса провели коренные преобразования французского государства. Их реформы были в целом приняты народом. Оставалось лишь стабилизировать новый порядок, основанный на конституционной монархии. Но на завершающем этапе работы Собрания произошел раскол, причинами которого стало введение гражданского устройства духовенства и цензовых ограничений. Большое значение в усилении демократического движения сыграло бегство короля. Таким образом, с весны 1791 г. либерально-конституционалистское большинство начало вести борьбу на два фронта — против сторонников Старого порядка и против демократического движения и крайне левых депутатов. Ле Шапелье в этих условиях действовал сплоченно с другими либералами-конституционалистами с целью противостояния радикалам, стремясь стабилизировать новый порядок и закрепить завоевания Конституцией.

Взгляды Ле Шапелье и других конституционалистов по некоторым вопросам претерпели эволюцию. В частности, от идеи разграничения ветвей власти они перешли к принципу их взаимодействия. Законотворцы наделили министров реальными полномочиями, разрешили им сообщаться с законодательным корпусом, присутствовать на заседаниях и высказываться. Ле Шапелье и его коллеги провели новые изби-

рательные поправки, выступив за предоставление политических привилегий имущим слоям общества. Их первоочередной задачей было спасение монархии и короля.

Ле Шапелье сыграл немаловажную роль в деятельности Собрания. Он был проводником неожиданных, смелых решений, что проявилось в вопросе о судьбе короля после его бегства. На одном из этапов разбирательств он выступил с довольно жесткой речью за его временное отстранение от должности, но затем, опираясь на конституционные принципы, стал поддерживать его восстановление. Депутат придерживался общей линии конституционалистов в вопросах о прессе и о народных обществах. Выступая за ужесточение требований к прессе и отстаивая представительный режим, он, как и другие либералы, по своему противостоял анархии и насилию, пытаясь предотвратить радикализацию революции.

Список источников и литературы

1. *Блуменау С. Ф.* «Ненасильственный» вариант развития французской революции // Вестник Брянского государственного университета. Сер. История. Литературоведение. Право. Языкознание. Брянск, 2006. №2. С. 16–19.
2. *Блуменау С. Ф.* Учредительное собрание и избирательный ценз // Всеобщая история. Современные исследования. Брянск, 2005. Вып. 14. С. 19–32.
3. *Жорес Ж.* Социалистическая история французской революции. М., 1976. Т. 1, кн. 2.
4. *Олар А.* Политическая история Французской революции. М., 1938.
5. *Робеспьер М.* Избр. произведения. М., 1965. Т. 1.
6. *Салимон В. Ю.* «Левый центр» в Учредительном собрании Франции 1789–1791 годов: дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2013.
7. *Тырсенко А. В.* Фельяны. У истоков французского либерализма. М., 1999.
8. *L'Ami du peuple.* 1791. 8 juill.
9. *L'Ami du peuple.* 1791. 17 juill.
10. *L'Ami du peuple.* 1791. 14 juill.
11. *L'Ami du peuple.* 1791. 26 août.
12. *Archives parlementaires de 1787 a 1860.* Sér. 1. P., 1875.
13. *Aulard F.-A.* La société des Jacobins. Recueil de documents. Pour l'histoire du club des Jacobins de Paris. P., 1889. Т. 1.
14. *Buchez B.-J.-B., Roux P.-C.* Histoire parlementaire de la Révolution française, ou Journal des Assemblées nationales, depuis 1789 jusqu'en 1875. P., 1834–1838.
15. *Furet F., Ozouf M.* Dictionnaire critique de la Révolution française. P., 1988.
16. *Révolutions de France et de Brabant.* 1791. 20–24 août.
17. *Soboul A.* Dictionnaire historique de la Révolution française. P., 1989.

Об авторе

Юлия Николаевна Игнатенко — асп., Брянский государственный университет им. академика И. Г. Петровского.

E-mail: SJuliette@rambler.ru

About the author

Yulia Ignatenko, PhD student, Bryansk State University, Russian Federation.

E-mail: SJuliette@rambler.ru